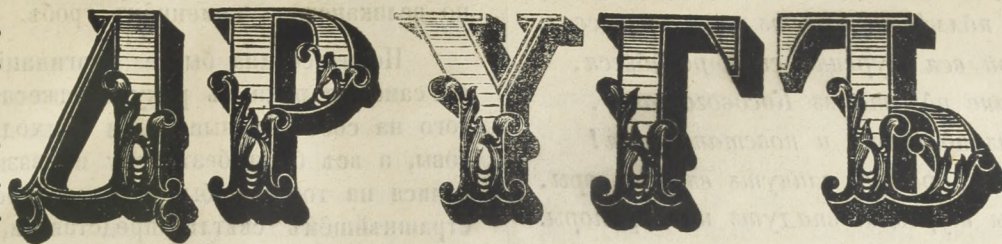

Выходитъ 1. и 15.
каждого мѣсяця.

Предплатя:
на годъ 3 зр. 60 к.
на полъ г. 1 зр. 80 к.
на кварталъ 90 кр.

Редакція и администрація уліця
Краковская ч. 19.

Неопечатанныя редакціи принимаются на почтѣ безплатно, и увзглядываются лишь до 14 дней

ПИСЬМО ДЛЯ БЕЛЛЕТРИСТИКИ И НАУКИ.

ПѢСНЯ ЗАДУНАЙСКАЯ.

Надъ Дунаемъ тиха зоря сходитъ,
Зѣ за мглы сумно на край поглядае.
— Чомъ ты, чомъ ты румянишься зоре?
— Кровь словянска такъ краситъ ми личко!

Словянска кровь плыве струями,
Якъ отъ лѣтъ тысячей плыла, —
Но вже огнемъ, а не слезами
Земля Словянъ ся заняла.
Хоть кровь плыве, то грудь волнуе,
Пожаръ горитъ, — съ нимъ мечь и гнѣвъ, —
Хоть мечь мучителя лютуе,
Но часъ свободы вже приспѣлъ!
Крѣзь кровь, пожаръ и мечь и мечь
Свобода йде и слава й честь!

Стоять горы долги ми рядами,
На Герцеговину поглядають:
— Чомъ вы, чомъ вы вразѣ здрожали, горы?
— Марко Кралевичъ, герой нашъ давний
Се здрогнулъ середъ сну вѣкового, —
Мечь сталевый у гору ся зноситъ,
Богатырскій кѣнь копытомъ тупнулъ,
Сонъ кончится Кралевича Марка!*)

О встань, о встань герою сонный,
И глянь на край любимый свѣдъ
И на врагѣвъ заливъ бездонный, —
О встань, о глянь, врагѣвъ розвѣй!

*) Марко Кралевичъ, національный герой Словянъ наддунайскихъ, о кошрѣмъ преданіи говорить, що отъ времени первыхъ турецкихъ нападѣвъ лежишь загарованный въ одной пещерѣ въ горахъ. У ногъ его стоишь его кѣнь, а въ головѣ стирмишь мечь, въ послѣдней хвили сбитый героемъ по рукоятъ въ скалу. Коли мечь совсемъ выльзе зъ скалы, а кѣнь съѣсть всю вязанку загарованной травы и щупне копытомъ о скалу, тогда встане Марко, чтобы вновь бороться съ Турками и освободити Словянъ наддунайскихъ.

Они тя знаютъ, хоть минули
Вже лѣтъ сотки, якъ ты заснулъ,
Они меча ще не забули,
Що въ крови ихъ перазъ токулъ.
Лишь мечь, пожаръ и кровь и мечь,
Врагамъ принесе смерть, намъ честь!

Но нѣ, ты спи! Благій твоій сонъ
Най не мутитъ кровь, мечь, проклѣнъ, —
Ты спи, о щастью нашѣмъ спи,
Бо ще жиють твои сыны.

Ихъ не убилъ Востока панъ,
Ихъ не зломалъ тягаръ кайданъ,
Ихъ не спѣдмилъ рабскій поклонъ,
На нихъ не спаде твой проклѣнъ!

Неволя имъ огнемъ была, —
Зѣ огня выходитъ сталь цѣла,
Неволя — хмара, надъ котровъ
Они розблыснули дуговъ.
Они хоть гуклись, не упали,
И хоть страдали, то молчали,
И хоть молчали, мечь острили,
Въ молитвѣ набирали силы.
Ты спи герою нашъ, о спи,
О лѣпшѣмъ щастью — доли спи!
О лѣпшѣмъ щастью, якъ у насъ,
О часахъ лѣпшихъ, якъ сей часъ,
О лѣпшѣмъ свѣтѣ, якъ сей свѣтѣ,
О бояхъ, якъ за давнихъ лѣтъ.

Вѣтеръ вѣе понадъ муръ Требиньи.
— Що на васъ ся червонѣе, муры?
— То турецки кровавы прапоры,
Которыми вѣтеръ колебае!

Щумно, буйно колебли ты, вѣтре, тѣ прапоры
Незадолго кругъ нихъ блысне огняное море,

Незадолго за тобою злетятъ Славы дѣти,
 Щобъ врагѣвъ скупати въ крови, въ пожарѣ загрѣти
 Незадолго надъ полмѣсяцъ крестъ и миръ внесеся,
 А о крестъ той вся турецка сила разбѣеся,
 Незадолго встане пѣмста зъ Косового поля,
 Милошъ Обиличъ поднесетъ и повстане воля!
 Незадолго Сербы братья злинутъ въ тѣи горы,
 Ляжутъ головы турецки, впадутъ ихъ праторы.

О сербска земле, гдежъ подвласъ
 Горяча память старины,
 Що въ дѣтей твоихъ сердцахъ тлѣла, —
 Чому не бужне въ жарѣ страшный,
 Щобъ вепольного врага спалити,
 Що радъ бы всемъ Словянъ залити?
 Подайте руку угнетенымъ,
 И помѣчь братнюю братьямъ,
 Потѣху въ горести нужденнымъ,
 Оружье свободы борцямъ.
 Ступѣтъ слѣдами Черногоры,
 Мстѣтъ памятку Косовыхъ полъ,
 Вашъ Богъ, — Богъ свободы! По мори
 Страданья путь, — свобода цѣль!
 Миланъ! Престолъ щобъ удержати,
 А на престолѣ тѣмъ себе,
 Ты грабаремъ волишь ся стати,
 Що вѣльнѣсть брата въ грѣбѣ гребѣ!
 Оставъ лукавую дорогу!
 Пожаръ горитъ, пожаръ розльетъ,
 Пожаръ иметъ престола твого,
 И твоей власти онъ иметъ!

Браты Словяне! Богъ свободы
 И васъ зове на бѣи святой!
 Вставайте, братнии народы,
 Звалѣтъ тирана зъ высоты!
 Онъ не опреся намъ, — онъ хорый!
 Въ Европѣ встане день новый:

**Герцеговина й Черногора
 Най буде кликъ нашъ боевой!**

Джеджаликъ.

Д Е Н И С Ъ.

повѣсть.

Написалъ Михаилъ Вагилевичъ.

(Продолж.) Нехай каждый безсторонный разва-
 жить мое состояніе!

Знуженый, голодный, безъ кутика, гдѣбы мѣгъ
 голову приклонити, ходилъ я самъ одинъ, якъ духъ
 по великанскѣмъ каменнѣмъ грѣбѣ.

Немилосердна бывае имагинація тогды, коли
 съ самотою рука въ руку спряжеся: я досвѣдчилъ
 того на собѣ. Дивныи гадки приходили мнѣ до го-
 ловы, а все были безъ ладу и связи, все сострѣ-
 лилися на тое, щобы мнѣ мое состояніе еще въ
 страшнѣйшѣмъ свѣтлѣ представити, якъ оно въ
 истъ было. Блудачи зъ улицъ на улицу, зайшолъ
 я на невелику площадь передъ доминиканскимъ ко-
 стеломъ, усль собѣ на каменныхъ ступеняхъ свя-
 тынъ и заплакалъ надъ собою. Бо чижъ не было
 чого плакати? Кожда пташина мае свое гнѣздо,
 каждый звѣрь свою нору, а я, чоловкъ, и для мене
 не ма мѣстца на тѣмъ Божѣмъ свѣтѣ. Но въ мо-
 ихъ лѣтахъ жерело слезъ скоро высыхае, тожъ и
 у мене утомленіе взяло небавомъ верхъ надъ го-
 ремъ, и я здрѣмался. Но якъ ту по просту на сту-
 пеняхъ ночувати? Я зачалъ оглядатися за догѣд-
 нѣйшимъ мѣстцемъ и открылъ его за филаромъ
 костела, где одинъ чоловкъ яко тако помѣститися
 може. Я скулился въ кутикъ и заснулъ.

Яки дивныи сны снулися той ночи передъ
 очима моеи души!

Мнѣ здавалося, що емъ въ великѣмъ лѣсѣ,
 пѣтма окружае мя со всехъ сторонъ, розлогіи де-
 рева шумять зловѣщо надъ моею головою. Я усль
 подъ якимъ деревомъ невиданой величины, и дрожу
 и молюся зо страху. Въ тѣмъ зашумѣло щось въ
 кустахъ, я звернулъ сюда мою увагу, и побачилъ
 двое волчихъ очей, которыи свирѣпо сверкали на
 мене, и въ тѣи хвили роздалося вытьѣ волка тужъ
 коло мене, за мною и съ всехъ сторонъ. Я зѣр-
 вался на ноги и хотѣлъ утѣкати, но ноги отказали
 мнѣ помочи: мовъ прикованый до мѣстца, стоялъ я,
 а вытьѣ чимъ разъ было грознѣйше, чимъ разъ
 бѣльше очей сверкало около мене. Морозъ прой-
 шолъ по моемъ тѣлѣ, паничный страхъ обезсилить
 мои члены; я былъ тогды въ состоянію, въ якѣмъ
 находитися муситъ чоловкъ въ послѣднѣмъ степені
 агоніи, коли ухо его бѣльше уже ничего не чуе,
 кромъ зловѣщего шуму крыль ангела смерти. Въ
 тѣмъ являеся моя ненька. Вытьѣ замолкло, свѣтелца
 погасли. Она схилилася надо мною и зложила по-
 цѣлуй на моемъ чолѣ, такъ легкій и такъ милый,
 що мнѣ здалося, що пахучій цвѣтъ ямину му-
 снулъ о мое чоло.

— Не бѣйся — сказала до мене — Той пе-
 чалится о тобѣ, передъ которого престоломъ я що
 дня молюся за тобою.

Но не долго наслаждался я любымъ лицезрѣ-
 ніемъ матери, бо въ тѣи хвили змѣнилось дѣйствіе
 моего сновидѣнія. JPK

Былъ я гдѣсь въ нашей импровизованой сельской школѣ у пана реентого, передъ которымъ лежала розтворена псалтырь. Онъ училъ мене зъ ней спѣвати, а былъ сегодня дуже жестокой и гнѣвный на мене.. Я силувался спѣвати якъ наилучше, чтобы реентого задовольнити и приклоннѣйшимъ для себе здылати — но годъ — якась змора усъла менѣ на груди, щомъ не былъ въ состоянію и одного тону выдобыти зъ себе. Свирѣпость моего педагога дѣйшла до крайности: люто схватилъ мя за руку.. — въ томъ — я пробудился.

Отвираю очи и розглядаюся, — где есмь, — ажъ ту бачу передъ собою чоловѣка, такъ страшливого видомъ и маньерами, якого я еще якъ жию не бачилъ. На головѣ была у него вояцка каска, а нѣсь у него — истинно якъ ручка отъ пистолета. Онъ схватилъ мене за рукавъ и крикнулъ жестоко: — Fort mit dir, Vagabund!

Ой, ой! Ото попался я зъ дещу пѣдъ ринву. Тамто былъ только сонъ, а тутъ правда — страшливая правда!

Но сторожъ безпеченства — бо онъ то былъ, который мене изъ немилото сновидѣнія въ жесточайшую еще правду до-разу перенѣсь, — не далъ менѣ розважати надъ актомъ переходу зъ сна на яву. Онъ еще лютейше потянулъ мя къ собѣ. — Fort in die Cordegarde!...

Я хотѣлъ апелювати до моей невинности и до его сочувствія — —

— Пане воякъ, я.....

Но онъ не далъ менѣ докончити...

— Halt Maul, du.....

И зъ его усть лонула цѣла струя ругательныхъ словъ. Онъ словомъ и дѣломъ старался мнѣ доказати, що съ сторожемъ безпеченства годъ шутити. Потянулъ мя зо всей силы къ собѣ такъ, що я вылетѣлъ якъ зъ процы зъ моего укритья, а кѣлька кулакѣвъ на мои плечи съ всею совѣстію вымѣренныхъ, пересвѣдчило мене, що представителю такъ чоловѣколюбной власти належитъ безъ проволокы повиноватися.

Не было що робити, я помандрувалъ съ сторожемъ безпеченства. Мой безплатный Cisegone запровадилъ мене до знаной львовскимъ либертинамъ каменищъ на площадь Хорущины, зазвонилъ — по хвили дался чути въ сѣни отголосъ кроковъ, ключъ залопотѣлъ въ замку, и въ отчиненыхъ до половины дверехъ появилось лице цѣлкомъ подѣбно до моего товариша.

Той другий щось поговорилъ съ моимъ проводникомъ на незнаномъ менѣ языцѣ. Знать, было то по нѣмецки, но не такъ якъ мене въ Сокали учили — я не розумѣлъ ни слова зъ ихъ бесѣды, но они порозумѣлися докладно, и вѣдай церберь того страшливого заведения не наилучшого мнѣнія

набралъ о моихъ личныхъ свойствахъ, бо грѣзно поглянулъ на мене, почѣмъ цѣлкомъ не этикетально взялъ мене за руку, втянулъ до середины, и съ трѣскомъ затворилъ двери.

Запроврадили мене до якоисъ просторои комнаты и оставили самого. Въ комнату той было майже цѣлкомъ темно, такъ що я въ первой хвили не мѣгъ розпѣзнати, що около мене дѣся. На дворѣ вправдѣ зарѣло, но окна въ моемъ новомъ обиталищѣ были позабываны деревянными кошами, только отворами зъ верха доходило свѣтло денное до казни. — Невозможно, чтобы то было обиталище для людей — думаю я собѣ, — може тутъ только такихъ прибудѣвъ зъ села, якъ я, саджаютъ, чтобы ихъ выстрашнати зъ мѣста! Га! чтобы то Господь Богъ допомѣгъ менѣ отси выдобытиса, то ани хвильки не буду попасати въ томъ городѣ, где такіи страшливыи люди по ночи ходять и другихъ выстрашуютъ. На разъ я радовался моему осамотнѣнію, бо завсегда былъ пѣдъ jakimсь дахомъ и мѣгъ розпустити крыла моей фантазіи.

Но небавомъ побачилъ я, или лучше сказавши почувъ, що завела мене надья на самоту. Ледви поступилъ я кѣлька кроковъ, чтобы розпѣзнати мѣстцевость, въ котрой мене мимо воли затворено, долетѣли до моего уха якісь дивныи звуки, — щось подобного не чувать я еще николи. Пристанулъ я хвильку и смотрѣлъ въ сторону, отки доходили мене ти дуже негармоннѣйныи тоны. Око мое привыкло уже по части до полу-темноты, котора залягала комнату, и я мѣгъ бодай головныи контуры окружающихъ мя предметѣвъ розпѣзнати. Первый предметъ, що звернулъ мою увагу на себе, было то щось опертого о стѣну противолежашу дверемъ; но що?... Ни то тапчанъ, ни магель. На томъ, чи то тапчанъ чи маглю, лежало пять купинъ различного рода лаховъ, и отъ нихъ то выходили ти звуки, которыхъ я въ первой хвили такъ зякался.

Пѣдходжу, чтобы ближе приглянутиса моимъ товаришамъ недолѣй. Го... го! пять экземплярѣвъ рода челевѣческаго обоого пола спочивали тутъ побѣчь себе сномъ благочестивыхъ въ найпримѣрнѣйшей згодѣ и гармоніи. Первый зъ краю былъ то господинъ уже трохи шваковатый; лежалъ горѣлицъ, тожъ мѣгъ я его твари докладно придивитиса. Ничъ не было на ней достойного уваги, кромѣ кѣлькоцалевои окрасы лица на трицалевѣй простѣрони межи чоломъ а устами такъ широкими, що сягали майже отъ уха до уха. Побѣчь него лежала якась женщина, стара якъ свѣтъ, гадка якъ нѣчь. Поглядаючи на ню мимоволи приходило тобѣ на гадку, що тая истота мусъла уже съ матерію природою весь контракты и умовы зѣрвати, и жила только на тое, чтобы представляти олицетворену пародію красного пола. Одежъ на ней была такъ рѣзнобарвна,

или лучше сказавши такъ рѣзнобарвными латами уперстрена, якъ у того линоскака, котораго я разъ въ Сокали на ярмарку бачилъ. Грубыи ей, мовь напухлыи, губы напышились и второвали якимь дивнымъ свистомъ негармоньнымъ тонамъ, якии на розличную скалю производилъ нѣсь шпаковатого господина. Дальше спочивала еще одна женщина, а въ кѣнца два хлопцѣ бѣльше менше въ моихъ лѣтахъ. По чертахъ лица и пейзахъ у тыхъ многонадѣйныхъ молодцѣвъ, можна было пѣзнати, що то братья семитского походженья. На тѣмъ скѣнчилъ я переглядъ моихъ товаришей неделѣи, почѣмъ усьмъ собѣ на тѣмъ нибы тапчанѣ, и почаль роздумовати надъ моимъ положеньемъ. Недолго я такъ думалъ, бо небавомъ пробудился шпаковатый господинъ и имагинаця моя со зломанымъ крыломъ упала.

Шпаковатый господинъ повелъ взоромъ по своихъ спячихъ товаришахъ и товаришкахъ, зробилъ важную мину и покивалъ головою, якъ чловѣкъ, що сожалѣе надъ паденьемъ ближнего, потѣмъ звернулся ко мнѣ и завѣсилъ свои мракою зайшовшии очи на моей твари. Я не читалъ еще тогда Ливатера, не зналъ протое ничего о физиономцѣ, которую мѣй незнакомый мусьмъ на мѣвъ студювати, и студюмъ тое выпало видно корыство на мою сторону, бо по хвили спросилъ онъ мене:

— А ты ту що робишь мостердью?

— Я-а-а? отвѣтилъ я тономъ, который малъ выражати: тое що и ты!

— Такъ ты, мостердью, — за що посадили тебе до той ямы?

— Я не знаю.

— А ктожь мае знати? Дивися — продолжалъ всказуючи на спячихъ жидковъ — то знании злодѣи на цѣле мѣсто, но дуже сомнѣваюся, щобы ты що украдъ, бо тобѣ, мостердью, еще учтивѣсть глядѣть зъ очей. А въ прочемъ, кто васъ тамъ знае — додалъ махнувши рукою.

Сама гадка, що люди моглибы пѣдозрѣвати мене о крадежъ, тронула мя до глубины души; я зрѣсь межѣ людми, которые уважали присвоевѣе собѣ чужои власности за найбѣльшій грѣхъ, понижающей достоинство чловѣка. Но незнакомый не зважалъ на мое внутренне волнение; онъ посадился якъ найвыгоднѣйше на причи — таке есть техническе названье того тапчана — добыль зъ кишени великанскую табакеру и зажилъ кѣлька спорыхъ нюхѣвъ. Видно, що доза табачки впровадила его въ лѣпше розположенье, бо ласкавѣйше поглянулъ на мене, а видячи слезы въ моихъ очехъ, спросилъ голосомъ, въ котрѣмъ отбивалося и сочувствѣе и оттънь потѣшенья:

— Ты плачешь, хлопчино?

— Пане, клянуся Богомъ, я не украдъ ничего. Мене невинно тутъ заперли, тѣлько за тое, що я

убогий и.... — Тутъ розказалъ я ему въ коротцѣ цѣле мое *curriculum vitae*, не залишаючи и трагической катастрофы при доминиканскомъ костелѣ, вразъ съ весьма неприятнымъ эпилогомъ въ казни.

Незнакомый выслушалъ мя уважно. Лице его выяснилось, очи набрали выразу, здавалося мнѣ, що виджу иного чловѣка передъ собою; навѣтъ таи его кѣлькецалева окраса твари не выдавалася мнѣ уже такъ комичною. Колинь скѣнчилъ мою оповѣсть, онъ подумалъ хвильку, а потѣмъ отозвался:

— За много доверять ты людемъ и свѣту, мѣй сыну, а свѣтъ, мостердью, за доверье отплатилъ ти по своему. Но най перва неудача не отстрашуе тя. Еще и на тѣмъ свѣтъ суть сердца преступныи сочувствѣе надъ долею ближнего. Скажи мнѣ, мостердью, где намѣрѣешь подѣтися, коли отси выйдешь?

Теперьшине мое состоянѣе занимало всѣ мои гадки и мысли; о будучности не малъ я еще часу думати, — тожь такого вопроса не задавалъ еще собѣ. Незнакомый первый порушилъ тую струну, а она заграла со всею силою въ моей души. На его вопросъ не было у мене отвѣта — —

Незнакомый не напиралъ бѣльше на мене, вѣталъ зъ причѣ, перейшолся тамъ и назадъ по комнать, добыль знова табакеры, ударилъ пальцами по вѣку, и чихнулъ, но такъ голосно, що одинъ жидокъ пробудился...

Гм...гм — мрукнулъ мѣй незнакомый до себе, и ходилъ дальше по комнать розважаючи. По хвили звернулся до мене и спросилъ:

— Маешь охоту пѣти со мною?

Я выдвинулся на него — —

— Куда?

— До мене, мостердью, — будешь заниматься моимъ хозяйствомъ и ходити до школы. Що же касаеся потребъ, конечныхъ до удержанья жизни, тиѣ будутъ въ началѣ дуже скудныи, но пѣзнѣйше буде лучше. Зарабляю досытъ, стане для насъ обохъ, щобысьмо тѣлько по экономически жили.

Я молчалъ, — онъ продолжалъ дальше:

— И чокогожь намѣсляешься мостердью? Тягаромъ мнѣ не будешь; а кто знае, чи Богъ не кинулъ тебе на мою дорогу умышленно, щобы зъ мене еще порядного чловѣка зробиити? Я не маю родины, не люблю никого, ани никто мене не любить. Табачка и „нема страху“ были доси цѣлымъ моимъ потѣшеньемъ на свѣтъ. Табачка, мостердью, то еще яко тако — великий чловѣкъ былъ той, который еъ выдумалъ, но „нема страху“, то зрадливыи плынь, — на хвильку поить чловѣка розкошью, но якъ, мостердью, розиграеся, то такъ доказуе, що чловѣка, яко опасного общому безпеченству, отъ где и въ якомъ товариствѣ запирають!

Тутъ повелъ окомъ по казни, стиснуль плечима, якъ чоловікъ, который съ резигнацію судьбы своей поддаеся, и опять почаль проходжати ся.

— Чувствую — продолжалъ по хвили — що до тебе, мостредю, мѡгъ бы я привязатися, и для тебе може откажуся отъ того зрадливого напою.

Тымчасомъ пробудилася и решта нашего товариства. Перва подиялася стара женщина, добыла рожанца и хрыплымъ голосомъ стала отмовляти молитвы; за нею повставали оба жидки: молодшій сталъ бабъ покрывлатися, а старшій глядѣль любопытно на мене, а зъ его ироничной усмѣшки можна было вычитати, що палаль жаждою, зробити мяв якого збытка.

Я всталъ зъ причй, щобы пройтися трохи по комнатѣ и выпростовати члены. Зъ того корыстачючи, жидокъ, колимы ишолю коло него, подставилъ менѣ ногу, такъ щомъ о мало не упаль. Оба братики мойсеевого вѣроисповѣданія парскнули гомеричнымъ смѣхомъ, и сейчасъ трутиль одинъ другого на мене съ такимъ замахомъ, що я стратилъ равновагу и о мало головы не розбилъ собѣ о причу.

Такий жартъ выдался моему новому протектору дуже неумѣстнымъ въ его присутствію, бо сейчасъ схватилъ грубу сукату палицю, намѣряючи досадно впоити жидкови этичну идею: що чемабѣсть всюды и для каждого есть наибольшою окрасою. Но жидокъ знать не былъ приступный для того рода благородныхъ идей, бо вычитавши зъ движеній мого будущего хозяина его намѣреніе, успѣль якъ найскорше порайтеровати подъ причу.

— *Wart, du Kanalie* — интерпелюваль новомодный гонитель юдеевъ; но не успѣль уже грозныхъ тыхъ слѡвъ поперти дѣломъ, бо въ той хвили залопотѣль ключъ въ замку, и въ дверехъ появился вусатый церберъ:

— *Hallo, Gesindel, zum Protocoll!*

— Ой, ой — гадаю собѣ — теперь то менѣ буде. Той господинъ „Протоколь“ мусигъ быти дуже жестокий, коли мае такихъ страшливыхъ подчиненныхъ. Но ту не было часу до замыслу; первый посунулъ мой протекторъ, я за нимъ, а за нами решта виноватыхъ и невинватыхъ жертвъ строгой судьбы.

Нашъ церберъ вусатый запровадилъ насъ до досыть просторон комнаты, въ которій кромѣ двохъ столѡвъ, кѡлькохъ столиковъ, одной лавки и великанской полицй заваленои якимись запорошеными фоліалами, не было ніякихъ иныхъ снарядѡвъ.

Нашъ провѡдникъ розказалъ намъ усьети на лавцѣ и ожидати господина комисаря, самъ же поставилъ коло дверей, знать на тое, щобы намъ оттати отворотъ въ тяжкой година, котра мала ударити для насъ въ хвили пришествія господина комисаря.

У мене душа была на рамени. Я сидѣль побѡчь жидка, того шутивного, полого надѣй молодця, которого добрый гуморъ о мало не набавилъ мя гуза на чоль. Но онъ бѣдолака дрожалъ теперь, якбы нимъ трястя трясла: отъ того сусѣда годъ въ критичной хвили зачерпнути отваги! Обертаюся къ моему будущому хозяину, гляджу, а онъ сидитъ захмуреный и разъ въ разъ ударяе пальцами по табакеръ, мовъ жолнѣръ, що ладуе мушкетъ, коли командантъ дастъ авизо „стрѣляти“. И тутъ чема великой надѣи: уже у пана реентого переувѣдчилъ я, що гдекоторыи люди тогда заживають табаку, коли или надѣ чимъ дуже важнымъ роздумують, или находятся въ дуже неприятныхъ перепалкахъ. Дивлюся на бабу, она сидитъ згорблена въ двое и отмовляе молитвы, но уже не котачимъ воркотомъ, а полуголосомъ. Га! Ни ѡтки надѣи ни поощренія!

Въ томъ роздался отголосъ кроковъ на коридари: вусатый церберъ у дверей выпростовался, якъ струна; шпакватый господинъ покругилъ вѣко табакеры, ажъ засквирчало, жидокъ задзвонилъ зубами, а баба почала молитися въ голосъ:

— *Zdrowaś Maryjo, łaskiś reŃna...*

Двери отчинилися, и до комнаты вступилъ высокій егомѡсть, а який грозный, — що ажъ страхъ збиралъ глядѣти на него. Именно же густа, чорна борода и темныи окуляры додавали чогось демоничного цѣлому его явленію. Мы за примѣромъ шпакватого господина повставали зъ мѣстця, щобы отдати поклонъ тому страшливому потентату. Онъ не удостоилъ насъ навѣть взора, знялъ зъ себе верхнюю одежу, почѣмъ усьѣль при одномъ изъ столѡвъ, и сталъ переглядати якісь паперы.

Долга хвиля минула, я сидѣль мовъ на угляхъ

Наконецъ мусѣль строгій нашъ судія пригладати собѣ на насъ, ожидающихъ зъ его усть рѣшенія: быти-ли намъ, или не быти, — бо оторвалъ очи отъ паперѡвъ и повелъ по насъ муштрующимъ взоромъ. По хвили закликаль диктаторскимъ голосомъ, — такимъ самымъ, якъ панъ капраль въ Сокали, коли на площади рекрутѡвъ муштруе:

— *Паиталемонъ Коцубалинскій!*

На тое повсталъ шпакватый господинъ зъ мѣстця, но не отвѣтилъ якъ рекрутъ „*Her*“ тѡлько молчки приступилъ до стола и сталъ въ смиренной поставѣ, ожидаючи дальшихъ розпорядженій.

— *Schon wieder besoffen und Craval ausgeführt!*

Коцубалинскій спустилъ очи въ низъ, якъ чоловікъ, который чувствуете глубоко свѡй упадокъ и встыдаеся схибленого кроку.

Панъ комисаръ фиксавалъ его хвилку въ той поставѣ.

— Нибы поряднѣй чоловѣкъ — отозвался — а такъ часомъ запиваеся.

— Ну, ну — продолжалъ ломаню польскою бесѣдою — той разъ еще ему уйде, но най ще разъ чогось подобнаго допустится, то замкну, що ажъ почорнѣе. А теперъ вахай!..

Господинъ Коцубалинскій склонился, но не отходилъ, только зъ подѣ ока поглядаль на мене. Панъ комисарь замѣтилъ тое:

— Чого еще ожидае? спросилъ.

— Прощу г. комисаря — есть ту одинъ хлопецъ, которого судьба мене обходить, а которого тутъ невинно заперто.

Невинно?!.. воскликнулъ комисарь — Hier sperrt man niemanden unschuldig ein!

— Я... я не думалъ такъ...

— Не думалъ... не думалъ. Чогожь хоче? Heraus damit!

— Есть тутъ хлопчина, которого сеи ночи найшоль сторожъ безпеченства саячого подѣ костеломъ.

Also, ein Wagabund wie er einer ist, wenn er sich besauft — замѣтилъ панъ комисарь нибы до себе.

— Нѣ, то дуже ченный молодець и достоинъ сочувствія.

— Соо?... А чи бнѣ уже совсемъ вытверзился? — спросилъ г. комисарь съ легкимъ, проницинымъ усмѣхомъ.

— О совсемъ — отвѣтилъ г. Коцубалинскій и положилъ руку на грудехъ якъ той, который есть въ полномъ знанію того, що говорить.

— И щожъ дальше?

— Я намѣрилъ печалитися о немъ.

— Гм... Щобы зъ него любителя кимлю зроби? —

— О нѣ, щобы подати ему способъ до життя и случайность ходити до школы, бо хлопчина палае жаждою до науки, а не мае средствъ до того.

— Schau, schau, А гдежь бнѣ?

Коцубалинскій кивнулъ на мене, — я приблизился несмѣло. Панъ комисарь приглядаль менѣ уважно, по хвили спросилъ:

— Якъ зовешься?

— Денись Н.*

— Родомъ?

— Зъ Д.* близъ Сокала надѣ Бугомъ.

— А не мае якихъ свѣдоцтвъ съ собою, — говорилъ дальше комисарь. Denn anders schick' ich ihn mit Schupass an Ort und Stelle. Der Vagabunden ist jetzt viel im Land.

— То такій добрый хлопчина — вставлялся за мною Коцубалинскій.

— Молчати! — крикнулъ г. комисарь на него и зморщилъ брови, а звертаючися до мене додалъ:

— Маешъ що, покажи!

Я малъ при собѣ свѣдоцтва школьнны зъ Сокала и свѣдоцтво крещенія отъ мѣстцевого душпастыря, добылъ ти папери зъ за пазухи и вручилъ господину комисарю. Той переглянулъ и, видно, задовольнило его ихъ содержаніе — —

— Добре, добре — сказалъ — Aber wie kommt er mit der Polizei in Conflict?

Мой опѣкунъ розказаль все, що зналъ отъ мене. Комисарь выслухаль уважно, а потѣмъ звертаючися до мене спросилъ:

— Чи то правда, Mein Bester?

Я потакнулъ.

— То бнѣ хоче того хлопца посылати до школы? спросилъ комисарь моего опѣкуна.

— То есть моимъ желаньемъ.

Только най не учить его пити горѣлку, якъ самъ умѣ! замѣтилъ чиновникъ съ усмѣхомъ, въ котрѣмъ отбивалася легка иронія и ласкавѣсть.

— Я и самъ отъ сегодня не покоштую того проклятого напою.

Ein frommer Vorsatz. Ja wol, — сказалъ г. комисарь усмѣхаючися недовѣрчиво, а по хвили додалъ:

— А теперъ идѣть собѣ съ Богомъ и не забирайте менѣ часу.

Мой опѣкунъ склонился, и мы забиралися до отходу.

— Слухай ты хлопче — крикнулъ г. комисарь за мною — щобысь прійшоль коли до мене, маю я тамъ старе платье, то ти подарую.

Я по примѣру госп. Коцубалинского такожъ склонился чиновнику, который уже не выдавался мнѣ такъ свирѣпымъ, якъ впередъ. — Разумься, що мой поклонъ совсемъ не отвѣчалъ вымаганьямъ салоновой этикеты!

— Nun adieu Herr Fagotist. Nur lasse er sich am Wachzimmer ausbürsten, denn er schaut aus, wie ein Don Quixote.

Тыми словами попрощаль чиновникъ моего нового опѣкуна, и мы удалилися зъ канцеляріи полиціи.

(Прод. слѣд.)

ПЕТРЪИ и ДОБОЩУКИ.

Повѣсть Джеджалика въ трехъ частяхъ.

(Часть первая.)

(Продолж.) Наконецъ съ шумомъ и голосными розговорами вѣшли товариши, и зачалася нарада.

Олекса говорилъ имъ о своихъ планахъ, якъ бы то можна дѣстати Петрѣи въ руки, якъ его допытовати и мучити, щобы показаль мѣстце, где скрылъ скарбы Добоша, — але ничъ не споминаль

о грошехъ , которыя именно за помощію тыхъ товаришей ему удалось выслѣдити и выкрасти.

— А, ба, пане ватажку, — озялся одинъ низенькій, живой и досыть добре одѣтый бездѣльникъ, — таже, здаемися, головна цѣль нашего нынѣшнѣго сбору была? подѣль вынайденыхъ грошей! Гдежь тѣ гроши, — давайте ихъ сюда, нехай пороздѣляемъ! На лица Олексы не видно было ніякои змѣны, — онъ спокойно отповѣль:

— Нѣтъ еще моихъ сынѣвъ, — они пильнують грошей въ горахъ и я велѣль имъ нынѣ принести ихъ сюда. Они небавомъ надѣйдуть!

— А кто знае, — може имъ тамъ приключилася яка бѣда, — заговорилъ несмѣлымъ голосомъ Демко, которого грудь волновала еще пѣсля страшныхъ слѣвъ, що передже чуль отъ брата. Бродяги зачали негодовати на опѣздненье, — они сподѣвались вже застати готове а ту уже и ранокъ былъ недалекій. Олекса сидѣль тихо, — они голосно вели розмовы о различныхъ своихъ злодѣйскихъ штучкахъ, коли наразъ заскрыпѣли двери хатины, и мовъ фурія влетѣла до середины стара Горпина въ долгѣй, бѣлой сорочцѣ и бѣлымъ накрывалѣ. Она напруго влѣтѣвши остановилася ажъ на серединѣ хатины, а каганецъ освѣтилъ въ тѣй хвили ея страшне лице. Очи ея блищали дикимъ огнемъ, а червоныи обводки повѣкъ надавали имъ еще бѣльше неприродности и почварности.

— Проклятье на васъ! проклятье на ваши дѣла, на ваши намѣреня! Вы, сыночки мои любый, — я давно слѣджу за вашими поступками, — и тѣлько вамъ кажу на все: Най проклене васъ Богъ такъ, якъ васъ прокляль отецъ, котрогосьте збитого выкинули въ лѣсъ, — якъ васъ осьту проклинае мати! Шибениця най буде вашою смертною постелію, — круки най вамъ спѣвають пѣснь похоронну ключочи ваши тѣла, — все, що зачете робити, най вамъ вийде на згубу и на безголове!

И проражающимъ голосомъ вырекши тѣ слова стара руками, здавалось, кидала проклятье, на ихъ головы.

Олекса ничо не кажучи выхопилъ нѣжь изъ за пояса и хотѣль кинутися на матеръ, — Демко ледво удержалъ го ухвативши за рамя.

— Пусти мя! крикнуль Олекса до брата.

Стара тымъ часомъ, мовъ вѣдьма зникла зъ помежи нихъ.

— Стѣй, брате, — уговорюваль Демко, дай спокойнѣй дурнѣй бабѣ! У нихъ всехъ така уже натура, що мусять кричати, — але той крикъ, то пустый вѣтеръ!

Олекса усѣль зновъ, — и зновъ зачалися на рады розбишакѣвъ, смѣхи и розмовы, — но всещоразъ грознѣйше и пѣдозрительнѣйше поглядали на обохъ братьей, которыи не мѣшалися якось въ ихъ товариство и молчачи сидѣли на лавѣ.

— Вѣдай мы дармо ждемъ на вашихъ сынѣвъ и на наши гроши, ватажку, — промовиль съ ѣдкою иронією въ словахъ той самъ низенькій чоловічокъ, що передъ тымъ отзывался. Называли его Невеличкій.

— Га, то розбѣдѣте теперь, — а за три дни жду васъ ту зновъ. Сподѣваюся, що мои сыны до того часу вернуть.

— Эхъ, — чортъ бы тамъ бралъ твоихъ сынѣвъ, кобы лишь наши гроши вернулись! проворкоталь пѣдъ носомъ Невеличкій выходячи. Добошукъ не чуль тыхъ слѣвъ, — онъ былъ погруженъ въ тяжкѣй задумѣ. Небавомъ все товариши выйшли и по недолгѣмъ часѣ зникли въ поблизкѣмъ лѣсѣ.

— Слава Богу, — якось сей разъ минулося! ажъ лекше ототхнуль Олекса.

— Але по щоты ихъ за три дни сюда созваль?

— То моя рѣчь! Ходи, я ти розкажу дороговъ! Часъ ити спати!

Демко взяль каганецъ и оба братья выйшли замкнувши двери за собою.

Но товариши, скоро вѣйшли въ лѣсъ, сейчасъ все задержались и утворили колесо наоколо Невеличкого, который поважно стояль въ серединѣ.

— А що, а що? Що они говорили съ собою? пытали все гурмою.

— Петъ! шепталь той положивши палець на уста.

Товариши зрозумѣли знакъ и крикнули! Но, но, говори!

Онъ оповѣль имъ тихцемъ розмову обохъ братьей, которую скрыто пѣделухаль. Все ажъ обѣ полы руками ударились.

— Чи такъ? А, — мы того не знали!

— Мы ихъ разбьемъ на кусники, — мы ихъ посѣчемъ! кричали гдекоторыи.

— Стѣйте, — уговорюваль ихъ Невеличкій. Я маю гарный плянь, — пѣзднѣйше вамъ рокажу. Але теперь треба го намъ еще слухати, — не треба му дати ничого пѣзнати! Иде о то, чтобы дѣстати въ руки Петрѣвы гроши! Въ тѣй хвили, коли Петрѣй въ нашихъ рукахъ, — мы не маемъ ватажка! А теперь ходѣтъ, — каждый на свое мѣстце!

— Славно, славно, закричали товариши, и мовъ нѣчныи совы розпырхнулись по лѣсѣ.

ХІІІ.

Андрѣй у Добошука.

На другій день рано по снѣданью, не сказавши навѣтъ матери о своемъ намѣренію, выбрался Андрѣй съ новыми надѣями въ дорогу до Добошукѣвки. Однакожь сердце его мимовѣльно стискалось, якъ бы якимъ зловѣщимъ предчувствомъ. По дорозѣ вступилъ до Батлана. Старому було уже далеко лѣпше, а Олеси зновъ свилися непокоячи сны. И ей ничого не говорилъ Андрѣй про свое намѣреніе, — но она якось

такъ была неспокойна, такъ рада была его долше при собѣ задержати, що старыи ажъ задивовалися, и въ конци мати зганила ей навѣтъ тое, говорячи, що се не выпадае. Она, розставши ся съ Андрѣемъ, чулася такъ самотною, такъ неспокойною, що слезы сами отъ себе выступили ей на очи и покотилися по ея хорошомъ лицю. Выйшла изъ хаты, чтобы скрыто выплакатися, — хоть сама не знала, що съ нею дѣеся.

И Андрѣй съ тяжкимъ сердцемъ ступалъ дальше. Его идеальный восторгъ здавался поволѣ остыгати, — но таки рѣшилъ, будь, що будь, поставити на своемъ и спробувати, чи бы не удалось припривадити добрымъ способомъ розвѣднаныи родины до згоды.

— Слава Иисусу Христу, — промовилъ онъ входячи до Олексовой хаты. Матрона, которая заходила коло печи и варила картофлѣ на обѣдъ, — задеревѣла цѣла на видъ молодого чоловіка, о которомъ ей мужъ споминалъ неразъ съ такою злобою. Она не нашла въ груди голосу отвѣсти на его повитанье, — только тревожнымъ, мертвымъ майже, лицемъ поглядала на него. Олекса спалъ еще пѣсля нѣчной нарады, — но Матрона не смѣла перестережи Андрѣя въ его присутствію, — она бояла ся своего чоловіка, навѣтъ спячого.

Андрѣй здивованымъ, а заразомъ жалобнымъ окомъ поглядалъ на тую нужденную оселю, на той образъ убожества въ найстрашнѣйшомъ, отражающомъ видѣ. Его очи падали то на несчастливую женщину, що мовъ тѣнь пѣдземна, стояла коло печи, то на внутрь помещканья. Все было обдерте, занедбане, немые, нечищене и грязне, все наполняло якимъсь обридженемъ, якоюсь непреодолимою отразою. Олекса въ подертѣй, чернѣй якъ сажа, сорочцѣ лежалъ на голыхъ доскахъ, служащихъ замѣсть постелѣй, а пѣдъ его головою лежалъ на пѣлѣ зогнилый и здрухивый приколотокъ соломы, накрытый подертою, грязною и черною вереткою. Горѣшню часть хаты наполнял дымъ, — якъ звычайно бывае въ курныхъ хатахъ. Андрѣй, ѳтколи жилъ, небачилъ такого нужденного обиталища, и не мѣгъ собѣ представити, якъ ту можуть жити — люди!

Въ той хвили Олекса пробормоталъ щось крѣзъ сонъ пѣдъ носомъ а пробудился. Онъ обернулся и побачилъ гостя, — а око его заяенѣло дикою радостію нежданого щастья

— Матроно, — кто се ту до насъ прійшолъ? спыталъ своимъ медвежимъ голосомъ, будтобы недовѣряючи власнымъ очамъ.

— Се я прійшолъ, — Олексо, — я, Андрѣй Петрѣвъ, — маю съ вами гдещо важнаго поговорити, — отвѣтилъ Андрѣй, видячи, що Матрона стоить недвижимо, мовъ одубѣла, и що не може и духу въ собѣ перевести.

— Се вы паничу? отрекъ на видъ ровнодушно Олекса, — але внутрь его заграла дикою радостію.

Онъ лѣниво всталъ и не мывшися сѣлъ на лавѣ на супротивъ Андрѣя.

— А чи вы паничу чули, — що у насъ на Добощуковку не вѣльно заходити никому изъ вашего села? вопросилъ холоднымъ, необыкновенно протяжнымъ и повѣльнымъ голосомъ.

— Чуль гдещо, но сподѣваюся, що то не зробить въ розмовѣ межи нами нѣякого розличія!

— Ого-го паничу, — зробить розличіе, зробить! отрекъ Олекса живѣйше. Але цѣкавый я, — додалъ зновъ повѣльно и озябло, — о чѣмъ вы ту, паничу, такъ напруго забажали со мною говорити, пѣсьте мя ажъ ту вышукали!

— О дуже важныхъ рѣчахъ! Олексо, — я прійшовши сюда ажъ застрашился, видячи вашу нужду — я передъ тымъ уже чуль о ней, — но не мѣгъ всему дати вѣры!

— О, такъ, все вы такіи, — не можете дати вѣры, що тѣсно комусь, и тиснете го еще лѣйше! Я лишь цѣкавый, що онъ хоче съ тымъ милосерднымъ голосомъ? Щось го або дуже приперло, — або хочема ще изъ моеи хаты такъ выгнати, якъ мя выгналъ изъ села! Такъ воркоталъ на пѣлѣ чутно самъ до себе Добощукъ. Андрѣй удаючи що ничого не чуе, продолжалъ:

— Мѣи отецъ власне пѣшолъ до Угоръ вчора за якоюсь пильною справою, — для того загадалъ я самъ пѣти до васъ и подати вамъ руку до згоды!

Слова тѣи вымовилъ Андрѣй совсемъ спокойно, не предчуваючи, кѣлько несчастливыхъ послѣдствій они за собою потянутъ.

— Куда пѣшолъ, кажете, вашъ отецъ? до Угоръ? повторилъ протягло Олекса, — а не можна знати, чого ему тамъ треба?

— Я не знаю! Але взглядомъ моего предлога — я скажу вамъ —

— Позвольте перервати свою бесѣду, паничу, сказалъ встаючи Олекса, и взявши жѣнку за руку, выйшолъ съ нею до сѣней, заперши за собою двери. Андрѣй осталея самъ, — въ его головѣ щоразъ янѣйше укладался плянъ цѣлой розмовы съ Добощукомъ, — лице его засвѣтилося блескомъ щирои радости.

Олекса вѣйшолъ зновъ, но уже безъ жѣнки.

— Знаете що, паничу, — ту не мѣтце намъ до такъ важнаго розмовы, чи не волимо пѣти до нашої „громадской канцеляріи“?

— Овъ, — у васъ и канцелярія есть? Но, ходѣмъ, ходѣмъ, — дѣло мое и такъ касаеся цѣлой вашей „громады“! Довѣрчивый и добродушный Андрѣй и не думалъ, що его чекае въ той канцеляріи и пѣшолъ за Добощукомъ до „пустыни“. По дорожѣ побачилъ лице старой Горпины, котора видячи над-

ходячихъ трѣснула двери своей хатины и замкнула ихъ изъ внутри.

Въ самыхъ дверехъ пустыні здыбали Матрону, котора, все еще блѣда и перелякана, дрожащою рукою зачинала двери и пошла бо́чною етежкой, минаючи ихъ, до дому.

Коли вѣшли до сѣней, Андрѣви первый разъ стало чогось страшно, якъ побачилъ тую пустку, тѣи отлюдныи, самотныи стѣны, якъ побачилъ тую колоду середь хаты а на ней шнуръ, грубе полѣно, на обохъ кѣнцяхъ затесане и закарбоване, и сокиру.

— Що ту буде такого? пыталъ ѓнъ самъ себе, но не умѣлъ найти на той вопросъ задовольняющего отвѣта въ умѣ.

— Сѣдайте, паничу! повелѣлъ спокѣйнымъ, но твердымъ голосомъ Добошукъ.

Андрѣй усѣлъ на лавѣ и розглядалъ старинную хатину.

— То вы, паничу, хочете, якъ чую, говорити о згодѣ? не такъ? А, — то дуже добре зъ вашей стороны, еслите уже разъ нагадалися отдати правымъ властителѣямъ то, що имъ належитися, — бо я думаю, що вы не пѣдъ инымъ условіемъ предлагаете менѣ згуду!

— Якъ вы се разумѣете, якъ?

— А, по prostu такъ, — що вы отдасте намъ Добошевы скарбы добровѣльно, до послѣднѣго гроша — а тогда можемъ о тѣмъ предметѣ гдещо поговорити.

— Такъ не може быти, отозвался живо Андрѣй. Мои условія таки. Вы заприсягнете свято, що будете жити въ ширости и братнѣй едности съ нами, — а по певнѣмъ часѣ, коли мы о тѣмъ переконаемся, — розпочнемъ разомъ дѣлати съ Добошевыми скарбами для добра народа.

— Таке ты менѣ сѣваешь? крикнулъ Олекса. А не знаешь ты, дурню одинъ, що той, о котрого скарбахъ ты такъ спокѣйно говоришь, мовь бы о своей власности, — що той Добошъ ту родился, въ тѣй хатѣ, которую ты теперъ оскверняешь своею проклятою притомностію? А не знаешь ты, — що ты теперъ совсемъ въ моихъ рукахъ, — и що тѣи орудія допоможутъ менѣ до дослѣдження тайны, где вы, псы проклятыи, сховали мое наслѣдство?

Андрѣй мимовѣльно здрожалъ поглянувши на розложенныи на колодѣ шнуръ, сокиру и дивный дрюкъ; хотѣлъ однакожь до послѣднѣй хвилі держатися спокѣйно и не дразнити еще бѣльше Добошука, который грѣзныи и понурый, стоялъ передь нимъ вперивши очи въ его лице.

— И якже вы тымъ дѣйдете тайны? вопросилъ усмѣхуючись молодець.

— Будешь видѣти, — если ми сейчасъ не скажешь, где Добошевы скарбы, — и если мя сейчасъ не заведешь на тое мѣстце!

— Олексо Добошуку, — отрекъ Андрѣй, — не думайте, що вы грозбою, або навѣтъ муками, дѣзнаетесь отъ мене о тѣй тайнѣ!

— Чи такъ? Ану побачимо! крикнулъ Олекса, а его очи сверкнули дикимъ, скаженнымъ огнемъ.

И закамъ Андрѣй мѣгъ еще о чѣмъ подобномъ подумати, Олекса стисненымъ кулакомъ ударилъ по такъ свѣльно межи очи въ чоло, що Андрѣй головою рѣвно-сильно другій разъ ударился о стѣну. Той подвѣйный ударъ доразу заглушилъ его. Съ дикимъ реготомъ пѣрвалъ го Добошукъ за груди и съ цѣлою силою звинувши безсильнымъ, якъ горсткою grimнулъ до землѣ. Кровь трѣснула Андрѣви изъ усть и носа, его кости затрѣщали отъ страшого удару о землю. Олекса цѣлымъ своимъ тягаромъ завалившись на нещастного, приклякъ му на груди, — однимъ шарпненьемъ розбрвалъ на немъ сорочку, и шматою изъ неи забилъ Андрѣви уста такъ сильно, що нещастливый не тѣлько кричати не мѣгъ, но ледво здужалъ дыхати. Зробивши тое Олекса, шнуромъ, що лежалъ на колодѣ, звязалъ Андрѣви тѣсно руки, перевязавши еще для бѣльшого болю великїи пальцї такъ, що тутже пѣдъ шнуромъ кровь выступила.

— Скажешь, где Добошевы гроши? сычалъ радше, якъ говорилъ Олекса, притискаючи еще сильнѣйше грудь Андрѣя.

Но той стратилъ совсемъ притомность и не мѣгъ навѣтъ ворохнутися.

Добошукъ другимъ кѣнцемъ сырѣвцевого шнура зачалъ що силы сѣчи Андрѣя по голыхъ плечехъ и грудехъ. Бѣль отверезилъ бѣдолаху, его очи зайшли кровью, — на плечехъ и на грудехъ пѣдъ ударами повиступали червоныи долгїи полосы, — а гдєкуда и кровь поплыла.

— Скажешь, где Добошевы скарбы?

Андрѣй заперечаючи кивнулъ головою.

— Такъ? А, — то зажди! Видко еще ти не досытъ! Олекса вытягъ нѣжь изъ за пояса и мигнулъ нимъ по передь очи Андрѣви, — но не малъ намѣренїя зрѣбити конецъ его жвѣтю, розтялъ лишень шнуръ на двѣ части и другою половиною звязалъ ноги Андрѣя. Пѣтѣмъ екуливши звязаныи ноги а протягнувши руки ко колѣнамъ, втиснулъ колѣна межи нихъ такъ, що долонїи припадали пониже колѣнъ, и зъ верху обнимали ноги. Тамъ, где згиналися колѣна, веунуль Добошукъ полѣно, которе руки еще бѣльше въ долнну зеунуло и тымъ способомъ побѣльшило страшный бѣль. До обохъ кѣнцѣвъ того полѣна привязалъ Добошукъ шнуры, чтобы можна нещастливу жертву пѣдтягнути до горы и тымъ способомъ завѣенти. Но передь тымъ ѓнъ еще разъ запыталъ безчувственного Андрѣя о мѣстце сховку Добошевыхъ скарбѣвъ, но Андрѣй и пары зъ усть не пустилъ. Тымъ, якъ ему здавалося, притворнымъ молчаньемъ до крайности розъяренный Добошукъ, пѣрвалъ сокиру и зачалъ

ей держакѣмъ валити въ грудь и плечі Андрѣя. Тѣло его посинѣло, — рѣшта силъ опустила несчастного, — онъ похилилъ голову и оmlѣлъ.

Въ такѣмъ состоянію, — совсемъ безжизненного и безсильного, вытащилъ Добошукъ на лаву и повѣсилъ на грубый деревянный гакъ въ темнѣмъ кутѣ, который, якъ здавалося, неразъ уже служилъ до подобныхъ цѣлей, понеже мука, якую мы выше описали, была часто практикована у опрышкѣвъ и розбишакъ.

Андрѣй висѣлъ оmlѣлый, — шнуры вгрызалися ему щоразъ глубше въ тѣло и проѣдалися ажъ до кости.

— Обачій сынъ, — я его сейчасъ пробуджу зо сну!

И съ тыми словами Добошукъ пѣрвалъ коновку воды, котра въ кутѣ стояла, и выльлялъ на Андрѣя, меньше въ тѣй цѣли, щобы го протверезити, якъ, щобы ще и черезъ зимно побѣлшити его муку.

Нешастливый дрожалъ на цѣлѣмъ тѣлѣ и прокинулся. Кровь плыла му зъ усть, носа и чола, и кашала на груди, котрыя зарѣвно были сини, збиты и кровавы. Онъ висѣлъ на полѣнѣ, которе вгрызалося ему до кости въ ноги пѣдъ колѣнами, плечми опертый былъ о стѣну. Страшный былъ видъ того передъ кѣлькома хвилями такъ хорѣшого, цвѣтучого молодця! Око его стратило свѣй погѣдный блескъ, окровавлене лице было блѣде, якъ у трупа, — шнуры, которыми былъ звязаны, тамовали круженье крови, — а жилы видны были на тѣлѣ, якъ сини, грубыи зми, обкручующіи члены, — и здавалося, що готовы каждой хвилі пукнути и отворити новыи выпливы крови.

— А що цаничу, — скажешъ теперь по щирости всю правду, пыталъ съ ругательнымъ поглядѣмъ Олекса. Правда, — що я знаю гарныи способы побудити чоловѣка до щирости? Но но, — можешъ ще задержатися съ открытѣмъ своєї тайны, — я ти оставлю досыть часу до намыслу! Въ ночи прійду зновъ до тебе и запытаю, якъ ешь надумался! И съ тыми словами Добошукъ выйшолъ позамыкавши двери и оставилъ несчастного молодця тяжкимъ болямъ и не меньше тяжкимъ страданіямъ душевнымъ. Его мучила и терзала сама згадка, що ни отецъ ни мати не буде знати, где и якъ онъ загинувъ, — бо смерть выдавалася ему теперь неизбѣжною.

XIV.

ИЗЪ ВЯЗНИЦІ.

— Зазвати сюда Ленька и Сенька Добошукѣвъ! повелѣлъ судія окружный въ М. а слуга судовой удался съ тымъ розказѣмъ до сторожа темничного.

— Такъ вы, Кириле Петрѣю, признаете, що вашъ доносъ не касался молодыхъ Добошукѣвъ?

— Я знаю ихъ, знаю ихъ ѳтца, и николи менѣ не прійшлѣбы было на думку на нихъ доносити. Про-

тивно, — я навѣтъ власнымъ коштомъ посылалъ ихъ до школъ!

— А стражники переловили ихъ на граници думаячи, що они бакунарї, которыи перемычуютъ тютюнъ черезъ границу, и за которыми давно уже стѣджено. Але показалося, що они ними не суть, — бо правдивыхъ бакунарѣвъ власне такожь зловлено, а тїи вызвали, що тыхъ молодыхъ людей совсемъ не знали. Былибыемо ихъ уже нынѣ рано выпустили. коли наразъ надѣйшолъ телеграмъ ѳтъ полицїи зъ Б. просячий о притриманье такихъ а такихъ двоухъ людей, яко осужденыхъ о крадежь. Протое мы и задержали ихъ.

— То совсемъ справедливо, — но если се была ошѣбка и если мои гроши нашлись, то я прошу ихъ выпустити якъ найскорше!

Тая розмова велася въ судовѣй сали въ М. межи окружнымъ судією а Петрѣемъ.

Въ тѣй хвилі впроваджено пѣдъ сторожею Ленька и Сенька Добошукѣвъ, и они стали близъ дверей.

— Знаете вы сего чоловѣка? запыталъ строго судія.

Ленько и Сенько подубѣли побачивши Петрѣя. Они бачили, що ажъ теперь прійде имъ до всего признатися и загнѣбати въ вязницю. Въ сомнѣнію, которе ихъ терзало, поблѣдли и не могли ничъ сказати.

— Щѣжь? пыталъ судія. Говорѣтъ правду, — бо если нѣ, то собѣ еще бѣльше пошкодите!

Сенько уже хотѣлъ кинутися до нѣгъ судіи и вызнати крадежь. Онъ былъ молодшїи и бѣльше сангвиничного темперамента, котрый, якъ скоро выбухае гнѣвомъ, ненавистью и злобою, такъ само скоро готовъ стратити духа и отвагу.

Но Ленько, мабуть нѣзнавши намѣреніе брата, стисъ го крѣпко за руку и рѣшительнымъ, хоть троха дрожащимъ голосѣмъ сказалъ:

— Знаемъ!

— Кто онъ есть?

— Кирило Петрѣй, зъ нашего таки села.

— Входилъ онъ коли съ вами въ якіи сношенія?

— О, — онъ навѣтъ посылалъ насъ до школы!

Сенько думалъ, що таки теперь прійде имъ до всего признатися, — що по тѣмъ вступѣ судія приступитъ зручно до самой рѣчи, до крадежи. Але немале было здивованье братей, коли судія отвернулся ѳтъ нихъ и велѣлъ ихъ выпроводити.

Потѣмъ звернулся зновъ до Петрѣя.

— То вы просите о выпущенье тыхъ молодыхъ людей?

— Такъ есть, ласкавый господине, и то тымъ усильнѣйше о тое прошу, що мои гроши, якъ я вамъ розказалъ, уже нашлись!

Судія не супротивлялся долше, и обоухъ молодыхъ виновникѣвъ, которыи уже незнати-чѣго на себе спѣдѣвалися, сейчасъ выпущено ко немалѣй ихъ радѣ. Они бѣгцемъ, не задержуючись, побѣгли че-

резь мѣсто и не опинилися, ажъ доки не побачилися середь чистого поля.

— Леньку, — сей Петрѣй, то таки добрый чолвѣкъ! отозвался первый Сенько. За такую великую шкоду, яку мы ему зробили, еще насъ, якъ казали стражники, освободилъ изъ той проклятой казаматы! Менѣ жаль, що я мѣгъ его передь тымъ ненавидѣти! О, — если бы насъ отецъ не былъ отобралъ изъ школы, мы бы може были выйшли и на порядныхъ людей!

Но Ленько глубше перенятый былъ засадами и ненавистию отца, — отвѣчалъ протое:

— Эхъ, дурный ты, Сеньку, съ своимъ жалемъ! Петрѣй, собака, мусѣлъ мати якуюсь иную цѣль въ тѣмъ, що насъ увѣльнилъ! Я ему не вѣрю, и то навѣтъ тогда нѣ, коли намъ, якъ здаеся, добре робить!

Но коли наши молодці прійшли до печеры, где были сховали скрадены гроши, не мало засмутились, не найшовши ни грошей, ни Иванка. Ажъ теперъ побачилъ Сенько, що Петрѣй не зъ особлившого великодушія освободилъ ихъ, но для того, що ему уже не были шкодливы, понеже забралъ свои гроши.

— Певно то дурень Иванко, якъ го Петрѣй ту подыбалъ, все розказалъ! Чи я то не говорилъ татови, пощо брати такого бубна съ собою, коли онъ не то, що не допильное ничого, але противно ще може зрадити мѣтце сховку! Таеъ говорилъ Ленько до брата.

— Собака Петрѣй, — бормоталъ Сенько, которого давна ненависть подъ вляніемъ свѣжого розчарованья съ бѣльшою еще силою ожала, — я думалъ, що онъ таки великодушный! О, — але я ему ще дамъ за тое! Изновь наша работа пропала, — и зновь мы бѣдны, якъ передь тымъ!

Сенько належалъ до тыхъ людей, которыхъ страсти и волненія души скорыи и сильныи, — противно же братъ его былъ властивый типъ родины Добощукѣвъ, — повѣльный въ словѣ, но энергичный и скорый въ дѣланью. Въ школѣ старшій братъ Ленько оказовалъ бѣльшій талантъ, — за то Сенько въ хвилевыхъ порывахъ умѣлъ такожь богато здѣлати.

Сенько звычайно держалъ передь, если ишло о дѣло, былъ его душою, коли отъ Ленька выходилъ плянъ и первый импульсъ.

Прод. слѣд

Листы зъ Исландіи.

Новеля Г. Чокого.

I.

Г-жа Штобенъ была властительскою найкрасшого помѣстья въ цѣлѣй окрестности. Зъ природы любила она спокой и самоту, а прецѣнь уже отъ чтырехъ недѣль былъ ей дворець мѣтцемъ непрерывныхъ и гучныхъ увеселеній; одна забава слѣдо-

вала за другою; г-жа Штобенъ, либонь сама отмо-лодла середь той загалной веселости.

Но не забавы и танці розвеселяли ея; — она, найбогатша въ окрестности, могла ихъ и безъ того мати до волі; — причиною веселости для неи былъ поворотъ еи сына, Теодора, зъ далекои подорожи. Осъ шо наполняло матерне сердце такую радостью. Цѣлыи три долги лѣта лякалась за него, що уже не верне, но сердце его не знало иной утѣхи, и иной страсти, кромѣ неспинимой охоты, звижувати чужій край и народы. Дятого-то старалась она веъми силами упріятнити му побытъ въ добрахъ отцѣвскихъ. Але гучныи увеселенья и блестячіи забавы были цѣлкомъ излишны, бо надъ все сильнѣйше привлекало его любяче сердце матери. А другого сердца, котре бы его такъ щиро и правдиво любило, не мѣгъ бы онъ нигде найти.

„О найдорожша мати, якій я щастливъ,“ говорилъ онъ часто, цѣлюючи съ сердечностию еи руки. „Кого такъ щиро и правдиво любятъ якъ мене, тому певно ничъ не хѣбуе до щастья. Теперъ уже николи васъ не опуцу.“

Но хотя и тысячу разъ упевнялъ такъ Теодоръ свою матеръ, — все таки сомнѣвалась она о его постоянности.

„До теперъ еще для него все нове и занимающе, але нехайно онъ троха убудеся, то зновь затужить за вояжованьемъ, за чужиною.“ Такии гадки наполняли ея несопкоемъ, а неспокѣй той побѣльшался еще змѣнами, которыи спостерегла на сынѣ. Бо и якже мала собѣ розяснити тое, що онъ такъ спокойный и одинаковый въ розмовѣ, теперъ оживлялся самою вспоминокю о иныхъ краяхъ и народахъ? або, що онъ зъ помежи веъхъ книжокъ, якихъ она мала достаткомъ, читалъ тѣлько описи подорожей съ занятіемъ?

Отъ кѣлькохъ недѣль бавила у неи такожь еи дочка, Тереза, съ своимъ мужемъ, совѣтникомъ Кульмомъ. Обое пріѣхали на запросины матери, шо бы подѣляти загалну радбеть, и обое спостерегли тайную журбу матери та хотѣли ея розѣгнати.

„Оженѣтъ его!“ сказала совѣтникъ, а тогда съ певностию останеся дома, бо ничъ не привязуе чолвѣка бѣльше до родинной стрѣхи, якъ щастливе сопружество. Чолвѣкъ нежонатый принадлежитъ цѣлому свѣтови, есть вѣчнымъ путникомъ, безъ спочинку и цѣли.“

„Если Теодоръ не залюбился въ якѣй красной Ляпландцѣ, примѣтила Тереза, то легко можемъ тое зробити.“

„Але слушайте, дѣти! востхнула г-жа Штобенъ, Теодоръ видѣлъ уже за той часъ, якъ есть дома, веъ дѣвчата зъ окрестности, а ни одна не здѣлала на него глубшого впечатлѣнія. Часто задумеся, а если его тогда хочете втягнути въ розговоръ, то тѣлько вспоминокю о Норвегii.“

„Часто задумеся? спытала Тереза. Не знаешь ты, чи Ляпляндки суть красны?“

„Розумбесе,“ отповѣль весело совѣтникъ, „але суть то красоты, котры могутъ тѣлько Ляпляндчикамъ подобатися, а сердца нашихъ мущинъ, сомнѣваюся, чи моглибы они до скоршого битья порушити!“

II.

Г-жа Штобенъ роземотрювала зъ всѣхъ возможныхъ „точокъ зрѣнія“ слова своего зятя, а однакъ не успокоилася. Въ кѣнци казала прикликати Амоса, служащого и товариша зъ вояжи ея сына.

— „Скажи менѣ, Амосъ, промовила она до него, знаешь ты своего пана? о певно ты знаешь его лучше отъ мене, бо ты все его видѣль, все говорилъ съ нимъ.“

„Видѣль и говорилъ,“ повторилъ Амосъ.

„Былъ ты съ нимъ въ Ляпляндіи?“

„Былъ! тамъ то житье! брр! Неразъ уже приходило менѣ на гадку, чи мы случайно не заѣхали до пѣдземныхъ въ гостину.“

„Щожъ робилъ тамъ твоѣ панъ?“

„Не можъ было го ѳттамъ оторвати! Мешкаль въ ихъ хатахъ, — насупротивъ котрыхъ, по правдѣ, наши хлѣвы можнабы палатами назвати — ѳздилъ на ихъ санкахъ, ходилъ съ ними на ловы.“

„А якже Ляпляндки? красны, що?“

„Цуръ имъ та пекъ съ ихъ красотою!“

„Вертаючи домѣвъ не зауважалъ ты на твоємъ пану якого незадоволенья, якои туги за опущенымъ краемъ?“

„Вгадалисте, ласкава панѣ, якъбысте тамъ были! Вертаючи, часто попадалъ въ задумчивѣсть и жаловаль, що не звидѣль островъ Исляндскій, а по крайней мѣрѣ Гренляндію! Але особливо за Исляндією тужиль, — здаеся, що якась тамошня дѣвчина завернула ему голову.“

„Ктожь бы то былъ такий?“

„Знаю тѣлько, що называеся Едда.“

„Красна?“

„Не знаю, бомъ ей николи не бачилъ.“

„Чи еще и теперъ тужить твоѣ панъ за Исляндією?“

„Вчера власне сказалъ я до него: Таки тутъ лучше, якъ въ Исляндіи! Щобы мене и королемъ хотѣли тамъ зробити, тобымъ долго мусѣль намыслитися, закимъ бымъ присталь на тое! Але мому панови не подобалося тое! Заворкоталь щось неохотно а потѣмъ сказалъ, що не може того отжаловати, що бывши уже такъ близко, не вступилъ на Исляндію.“

„Не згадуй же му николи за ту Исляндію!“

„Я зъ моеи стороны буду вже стеречись, кобъ тѣлько тая Едда не хотѣла пригадовати!“

„Замужна она, чи еще дѣвчина?“

„И того не знаю. Але мѣй панъ дѣстае часомъ листы отъ неѣ, а мусятъ то бути красны и чувстви-

тельны листы, бо мѣй панъ, якъ тѣлько такий листъ дѣстане, то ажъ сіяе зъ радости, а часомъ таки и прослезится! Я вправдѣ не умѣю читати, але листы отъ неѣ заразъ пѣзнаю по печатцѣ; вырѣзанный на ней олтарь, зъ котрого бѣе до горы поломѣнь, цѣлкомъ такъ само, якъ на тѣмъ образку въ библии, где то Авраамъ хоче жертвовати Исаака.“

„Чи и теперъ еще приходятъ тѣи листы зъ Исляндіи?“

„Розумбесе! Власне тамтоѣ недѣлї дѣстали панъ листы ѳттамъ. Для того то цѣлый день были таки веселы! Такъ, ласкава панѣ, муситъ то бити красный край, тая Исляндія. Мушу тое признати, хотяи тамъ не былъ николи, але зъ самыхъ листѣвъ можна того догадатися. Еслибымъ тѣлько умѣль читати, то сейчасъ казалъ бымъ собѣ таки листы присылати.“

Вкѣнци отправила панѣ Штобенъ говорливого Амоса, а осталася сама, бѣльше зажурена якъ колв. Тѣи листы Исляндскіи отобрали ей остатокъ супокою.

(Прод. слѣдъ)

ПОЭЗИЯ

и ея становиско въ нашихъ временахъ.*)

Студіюмъ эстетичне Нв. Франка.

I. Дефиниція поэзи.

Поле, на котрѣ вступая я съ нынѣшнимъ отчитомъ, — правда, — широке, — но заразомъ дивного рода. Поэзія, — ея вліяніе на чоловѣчество, — то дуже обширныи предметы, — днями цѣлыми даლობыся говорити о нихъ самыми утертыми фразами и общими мѣстцями, — а зновъ зъ другои стороны годѣ подумати, що скажеся гдѣщо нового пѣсля цѣлыхъ обширныхъ сочиненій такихъ повагъ на поли эстетики и философи, якъ Аристотель, Лессингъ, Шиллеръ, Гердеръ Вишеръ и иныи. Моя цѣль радше та, составити и порѣвнати сказане уже иными, подати подѣль поэзи и выказати, о скѣлько се въ моеи силѣ, вліяніе поэзи на умственный розвѣи чоловѣчества и на оборотъ, вліяніе исторіи чоловѣчества на розвѣи поэзи въ поодинокыхъ періодахъ. Признаюся, ще праця моя останеся на всякій случай тѣлько пробую и не отвѣтитъ вымаганьямъ стислон, научной праці.

Що есть поэзія?

Аристотель дефиниуе поэзію яко *μίμησις τῆς πράξεως*, — наслѣдованье, отобразованье житья. Новѣйшии эстетики опредѣляютъ поэзію яко индивидуализованье идеала. Котра зъ тыхъ дефиницій точнѣйша? Розберѣмъ обѣ поочередно, а порѣвнавши

*) Статья та читана была авторомъ публично въ комнатахъ Акад. Кружка.

ихъ приступимъ до рѣшенія сего вопроса. Безперечно се рѣчь, що житье во всѣхъ своихъ безчисленныхъ появахъ и отношеняхъ есть найвысшимъ, ба навѣтъ исключянымъ предметомъ поэзіи. Тѣлько житье може розбудити въ насъ живой интересъ, — ба, недосытъ того, — тое житье муситъ быти разумне житье, — не прости органическое вегетованье. Томуто въ басняхъ, гдѣ выводятся передъ насъ звѣрята або иныи еще менше развитыи творы природы, являются они всегда яко обдареныи людскимъ разумомъ, мыслячи и говорячи существа. Житье, — то поэзія, — а поэзія, — то житье. Но шожь значить у Аристотеля то слово *μίσις*, — отобразованье, отворенье? Житье саме собою взяте, — есть непрерывне движенье, непрерывна змѣна. Хоть въ подробностяхъ интересне, хоть въ цѣлости поучающе, — та всежь оно минае, — замирае въ памяти, и кромѣ того не многіи можуть о немъ знати. Задачею искусства есть закляти тое житье въ незмѣнныи, тревалыи виды и такъ представити его оку нашего духа, и тую задачу выказуе у Аристотеля слово *μίσις*.

Но присмотрѣмся ближе самому житью во всѣхъ его рѣзнообразныхъ появахъ. Безперечно найдемъ въ немъ богато свѣтлыхъ, интересныхъ, поучающихъ сторонъ, — но чи маложь заразомъ найдемъ плямъ, пѣдлости, низкости и неинтересныхъ моментѣвъ? А прецѣнь дефиниція Аристотеля и тое втягае въ кругъ предметѣвъ поэзіи! Куда можна зайти тымъ путемъ, — показуе намъ исторія словесностей многыхъ народѣвъ. Словесность нѣмецка зъ XVII столѣтія въ такъ званѣй Sturm und Drang-Periode служить яко комментарий до той дефиниціи и показуе, що она за широка.

Поэзія, то индивидуализованье идеала. Се есть дефиниція поэзіи новѣйшихъ временъ. Щобы порозумѣти тое опредѣленіе, треба на-сампередъ опредѣлити понятіе идеала, — а потѣмъ выяснити значенье слова индивидуализованье. Идеаль есть понятіе якогось предмета, изъ котрого выключены всякіи темныи, злыи неинтересныи и пѣдлии свойства. Понятіе идеала wymagaе, щобы предметъ, могучій назватися идеаломъ, былъ совсемъ доконалый; безъ змазы и хибы. Но понеже все, що насъ окружае, по при добрыи мае и злыи стороны, прото легко поняти, що идеалѣвъ нѣтъ въ правдивѣй жизни. Веѣ предметы окружающіи насъ гинуть и нищѣють съ часомъ, — идеаль незмѣняеся николи, не гине и есть вѣчный. Правда, — розличныи суть идеалы, — филологъ мае иный идеаль, — математикъ иный, природопи-сець зновъ иный. Но поэзія занимаеся тѣлько идеалами красоты, — тожь и мы всегда пѣдъ идеалами розумѣемъ тѣлько поэтичныи идеалы.

Но идеалы—понятія; идеалы даются чувствовати, — но не пѣдпадають пѣдъ наше око, — и то не

лишь пѣдъ око физичне, но и пѣдъ душевне, — они черезъ то само доступныи суть тѣлько той личности, котра ихъ чувствуете, и не могутъ статися всибѣльнымъ добромъ човѣчества. Ту зновъ искусство показуе свое дѣйствіе, — оно удѣляе тѣла и крови отвлеченымъ понятіямъ, — оно спроваджуе ихъ на землю, и показуе ихъ тымъ самымъ нашимъ земнымъ очемъ, — оно индивидуализуе ихъ. Отти и выплывае уже значенье слова: индивидуализовати. Индивидуализовати, значить зъ идеи, зъ мысли дѣлати индивидуумъ, дѣлати единицу обдарену тѣломъ, доступну физическому осязанію. Поэзія затымъ пѣсля той дефиниціи, — то суть идеалы, понятія, убраныи въ тѣло и осадженыи на земли, обдареныи земнымъ житьемъ.

Но присмотрѣмся ближе, — до чого допрывадитъ таке опредѣленіе! Житье наше, — якъ уже выше сказалиемо, по при всѣхъ своихъ хорошихъ и интересныхъ сторонахъ заявляе богато и дуже богато низкихъ, щоденныхъ, брудныхъ сторонъ. Поэтъ, котрого задачею есть, заселяти свѣй поэтичскій міръ идеалами, — не буде очевидно шукати ихъ въ предметахъ окружающихъ его, но углубитя въ свѣтъ фантазіи и изъ него стане выдобывати индивидуа съ людскими тѣлько именами и съ людскою мовою, — но совсемъ чужіи на сей холоднѣй и прозаичнѣй земли. Здалека пахнути буде отъ нихъ ихъ чужесторонна духовѣсть, — здивованыи поглядати они будутъ на земне житье и его маленькіи, муравельныи, а тѣлько труду стоящіи забѣги. И мы съ подивомъ, съ богоговнѣнемъ може поглянемъ на тіи лица зъ много свѣта, — начудуемя ихъ красотѣ, тай скажемъ: Шкода, що они чужесторонныи, — шкода що они не люди! И спытайможъ теперъ кого нибудь: Яка намъ корысть изъ тыхъ поэтѣвъ и изъ тыхъ ихъ творѣвъ? Отъ що станесе: Поэтъ гоначи за идеалами и видячи щоразъ то бѣльше розличіе межи ними а окружающимъ ихъ свѣтомъ, зненавидитъ той свѣтъ, и отчужитя отъ него, — станесе, пѣдѣбно якъ его творы, жителемъ много свѣта, непотрѣбнымъ членомъ общества човѣческаго, позаякъ не бере участія въ его загальнѣмъ движенью въ его общей жизни. А его творы? Науки изъ нихъ годѣ вычерпати — образцѣвъ для жизни годѣ въ нихъ шукати, — неразъ лишень смуткомъ и грызотою пригнете наше сердце судьба тыхъ позорныхъ людей и того позорного свѣта, котрый создалъ такий поэтъ, и котрый звычайно самъ валить. За примѣръ и за иллюстрацію консеквенцій такого опредѣленія поэзіи най послужатъ огнистыи творы Словацкаго. Хоть геніяльный поэтъ, — онъ углубившыся въ безконечный міръ своен фантазіи, страгилъ зъ очей міръ настоящій, — розбѣдналися съ нимъ и зненавидѣлъ его, — а о его всѣхъ креаціяхъ можна съ жалемъ сказати: Що за чудесныи творы, — шкода тѣлько, що се не люди!

Не належить ту також поминути еще одну дефиницію поезіи, котра опредѣляє єѣ якъ образованье, индивидуализованье мысли. Дефиниція тая не далеко отбѣгла отъ попереднѣи, — а тѣлько тымъ отъ неї розличаєся, що, коли попередня єсть за узка, она єсть за широка. Мысль чоловічка, то свѣтъ отрубный и дуже просторный, — она може относится до всякого рода наукъ и знаній чоловічєскихъ, которыи не мають ничъ вєспѣльсь поезією. — Та ба, — скажуть менѣ тутъ гдєкаторыи, — добре тобѣ валити тое, що другіи єѣ трудомъ будовали, — попробуйно ты гдєщо збудовати! Скажи намъ, що ты розумѣєшь пѣдъ поезією? Правду сказавши, такій зазывъ переймає мене страхомъ, — я на разѣ спробую зъ повысшихъ дефиницій злѣпити одну,

Щожъ єсть поезія? Розберемъ сєй вопросъ аналитично.

Що предметомъ поезіи мусить быти житє, — то нѣтъ сомнѣнїя. Що поезія мусить насъ впроваджати вѣ певный идеальный свѣтъ, того такожъ никто не заперечить, — бо еєлибы она занималася бридкими, низкими и темными сторонами нашєи жизни, — то цѣкавый я, якъ она бы могла насъ пѣднести и ублагородняти! Що идеалѣвъ нѣтъ на свѣтѣ, нѣтъ вѣ жизни, — то такожъ кождый знає. Якжежъ погодити тїи противности?

Изъ коллизіи поможе намъ ту выйти еще одно свойство, необходимое свойство поезіи, — поэтична справедливѣсть, — Ту мушу читателей остеречи, щобы не думали, що ту єсть *circulus in definiendo*, — т. є. що я поезією обьяєнаю черезъ поэтичну справедливѣсть, — солому черезъ соломяныи стебла. Поэтична справедливѣсть, то єсть отрубне понятіє такъ назване тѣлько для розличїя отъ справедливости соціальной. Понятіє поэтичной справедливости ширше, якъ понятіє справедливости соціальной, — що уходитъ вѣ очєхъ первой, — то не уходитъ вѣ очєхъ другой. Но первая єсть далеко строжша отъ другой, — бо мѣриломъ єи єсть людєкѣть (прошу розличити отъ чоловічєства; Чоловічєство: *Menschheit*; людєкѣть: *Menschlichkeit*) т. є. загальный обьемъ чоловічєскихъ чувствъ, чоловічєскихъ влєченїй и чоловічєской воли, и якъ найглубше понята наука моральности, якъ найглубше понате становиско чоловічка вѣ отношенїю до Божєства, до природы и до общества. Всякое переступленїє означєныхъ чоловічєкови границъ высєляє его духа и стягає на него кару. Но недосыть на тѣмъ. Кто остає нейтральнымъ вѣ духовѣи общѣи праца, стягає на сєбе такожъ кару, єсть виновнымъ вѣ очєхъ поэтичной справедливости. Она прото ось якъ опредѣляє становисчє чоловічка: Духъ твоѣи нехай всегда стараєся выполняти собою границы ему назнанєи, — бо ихъ выполнєнє будє его совершенствомъ. Хотя не оєязєшь того, праца твоєа

будє твоєю заслугою, хотъ и похибнєшься то задля щирєи охоты твоєи проститєся твоєа похиба. Майстерски представилъ тое назначєнє становиска чоловічка Гетє вѣ Фавєтѣ. Якъ возвышають, якъ пѣдноєся насъ слова ангелѣвъ при кѣнци:

Wer immer strebend sich bemüht,
Den können wir erlösen!

Зважаючи тое обстоятельство, що вѣ поезіи представляєся не лишъ само доброе, но и злоє, будтьо для выпробованья доброго, будтьо для удержанья его дѣятельности вѣ всегдашнѣмъ напруженїю, опредѣлимъ поезію, якъ копїованье житья вѣ его разумныхъ проєвахъ, руководимого поэтичною справедливѣстью.

Вєякій пѣимє, що тая дефиниція — за тѣсна. Прєцѣвъ вѣ поезіи копїуєся и природа, — при котрѣи не можна совсемъ говорити о разумныхъ проєвахъ житья, ани о поэтичєской справедливости!

Зайдѣмъ зъ инєи стороны. Говоримо часто: То предметъ поэтичный, — або: то поэтичный видъ, поэтична ситуація, поэтичєе событїє. О якѣмъ предметѣ о якѣмъ видѣ, якѣи ситуації, якѣмъ событїю мы такъ говоримъ? Запєвно о такѣмъ, котрє намъ вѣ якїєсь особлившїи способѣ подобаєся, насъ одушевляє. Щожъ намъ подобаєся? Чи исключно красота? Нѣ. Чи исключно пожитокъ и практична корысть? Нѣ. Чи исклучно величєственнѣсть? Нѣ. Щожъ такого? Щосъ посереднє межѣ тымъ всѣмъ, котрє не єсть исклучно ани однимъ. Спробую той вопросъ рѣшити вѣ такїи способѣ:

Припускаю, що кождый чоловічєкъ має вѣ своєи души, вѣ своєи внутри особный, ему врожденный свѣтъ, — котрый на разѣ назву свѣтомъ идеальнымъ. Розумѣєся, що свѣтъ той не може состояти изъ самыхъ предметѣвъ матерїальныхъ, но изъ понятїи. Заходитъ ту тѣлько тое розличїє межѣ тыми понятїями, а понятїями логичными, що коли вторыи понимаются сознательно, разумно, — первыи не вымагають сознания, но дрѣмають, — еєли такъ выражуся — вѣ глубинѣ чувства. Свѣтъ той внутренний розвиваєся сѣ розвоємъ чоловічка, — понятїя тїи розширяются рѣвнобѣжно сѣ розвоємъ понятїи логичныхъ. У кождого чоловічка той свѣтъ идеальный иный; — житє, воспитанье, щодєнныи занятїя, налоги, страсти влїяють на тое, якїи предметы вышнєго свѣта будять найскорше отгомѣнъ и отблєськѣ вѣ его свѣтѣ внутреннѣмъ, идеальнѣмъ. На пѣдставѣ той гипотезы можемъ обьяєнити, для чого одному подобаєся тое, другому инєе, — для чого одинъ и той самъ предметъ подобаєся одному бѣльше, другому меньше. Свѣтъ идеальный одного єсть ширшїи, другого узшїи, — у одного розвинєный бѣльше вѣ однѣмъ напруженїю, у другого вѣ инѣмъ. Еєли якїи предметъ зближаєся бѣльше отъ другого того рода до отповѣдного понятїя вѣ нашѣи души, будить вѣ

чувствъ тоє понятіє и тымъ самымъ намъ подобаєсь. Все затымъ подобаєсь намъ, що отповѣдає нашому идеальному свѣтowi въ сучаснѣмъ стадіумъ его розвою. На той подставѣ можемъ такожъ объяснить, що одинъ и тойже самъ предметъ теперь подобаєсь намъ менше, а пѣднѣйше, коли объємъ нашего идеального свѣта розширится, подобаєсь намъ бѣльше. Теперь розберѣмъ близше: Що єсть той идеальный свѣтъ въ нашѣй внутрѣ? Мы сказали, що приносимъ зародъ его съ собою на свѣтъ. Закимъ збудилось еще наше сознаніє, — уже онъ стає въ насъ замѣтнѣй. То не єсть разумъ, — то не єсть исключно чувство. То єсть искра божества, которою надѣлений духъ людскій. Житѣ може єе развити, може розпалити єе въ ясныи поломѣнь, который палає въ людєкѣмъ сердци яко: чувство хорошого, чувство величаваго, чувство любви, патриотизма и самопожертвованья. Житѣ однакѣмъ може єе и притѣмнити, придавити, а навѣтъ совсемъ загасити въ нашѣй души, и ту доперва єсть границя, по за котру не смѣє переступити поэзія. Переступивши єе, она перестає быти поэзією, — перестає быти святынею божества.

И ось мы дѣйшли до правдивои дефиници поэзи! Житѣ яко пыплывъ животворящого божого духа єсть єи предметомъ, но тѣлько доти, доки тлѣє въ немъ искра божества. Природа, носяча на собѣ печать красоты, може быти єи предметомъ, — бо абсолютна красота, — то такожъ божество. Въ природѣ искра божества: величіє, гармонія, красота, єсть тымъ, що намъ подобаєсь. Природа николи не може єе сама собою затемнити, пригасити и стратити такъ, якъ човѣкъ, — прото она всегда може служити за предметъ поэтичного представленья. Огти объяснимо, для чого молодыи поэты всегда мають бѣльшу наклонѣсть, осцѣвати явленія природы, якъ людской жизни.

Що єсть затымъ поэзія?

Поэзія єсть вынайденъє искры божества въ дѣйствительности.

Дѣйствительность най буде пѣдставою поэзи, — а тогда она буде мати цѣну для дѣйствительности. Не романтичныи фантазмагоріи, но житѣ, якимъ все жиемъ, най представляє намъ поэзія, а тогда лишєнь стане намъ она вѣрною подругою въ житѣю. Най не представляє намъ якогось свѣта идеального, недоступного, бо тымъ будить въ насъ лишєнь неохоту и отразу до свѣта дѣйствительного, — но най стараєсь представити намъ нашъ свѣтъ наше житѣє, краснымъ и занимательнымъ, най научить насъ любити людей такихъ, яки они суть, — най не спроваджує зъ небесныхъ сферъ идеалы на землю, но най заглядає ва глубъ души земнымъ людямъ и най показує намъ ихъ хорошіи, добрыи, идеальныи стороны, най открывє намъ въ ихъ внутрѣ искру божества!

(Прод слѣд.)

Литературныи вѣсти.

Въ Кієвѣ въ типографіи Фрица вышла книжка нашего молодого писателя и патриота Г. Купчанка п. з. **Нѣкоторыи историкогеографическіи свѣдѣнія о Буковинѣ**. Книжка та мѣститъ 314 стор. 8^о и содержитъ въ собѣ насампередъ обширну и основну статистику Буковины, — въ которой при концѣ зложенъи такожъ досыть богатый матеріалъ до этнографіи, — именно поговорки и повѣрїя народа буковинского. Сюда принадлежатъ такожъ карта Буковины замѣщена при концѣ книжки. Но друга, далеко бѣльша половина (отъ стор. 87 до 314) содержитъ народныи пѣсни, собранныи по Буковинѣ самымъ авторомъ. Пѣсни ти мають въ двоякѣмъ взглядѣ велику стойность въ нашѣй словесности. По перше, — авторъ въ цѣлѣй чистотѣ заховалъ въ нихъ народный говоръ. Думаємъ, що никто не заперечить, що лишє таке поступованье зможе запѣзнати насъ съ цѣлымъ скарбомъ народной бесѣды, зможе познакомити языкослова и граматика съ безконечнымъ богатствомъ формъ языковыхъ, которыми русскій, а особливо малорусскій народъ перевысшає безперечно все словянскій народы. По второе, — не належитъ ту такожъ забыти о добромъ, систематичномъ подѣлѣ пѣсень, который зробилъ А. Лоначевскій, членъ имн. геогр. общества. Если що, — то стислый систематичный подѣлъ въ сборнику може дати можливість автору упоратися съ безконечною массою матеріала и составити изъ него наглядный, артистичный образъ, живую автобиографію народа. Въ пѣсняхъ, и нигде вѣрнѣйше, якъ въ пѣсняхъ, малює народъ найглубшіи тайники своего существа, — тожь пѣсни суть первымъ матеріаломъ до этнографіи народа, — они суть этнографією его внутрѣ, его духа. Якъ нашимъ давнѣйшимъ галицкимъ сборникамъ выдаванымъ Русинами, — такъ и бѣльшимъ сборникамъ Жеготы Паудія и Вацлава зъ Олеска дастєя по при неполности и урывочности тексту пѣсень закинути такожъ недостатокъ доброго розкладу пѣсень, а именно недостатокъ засады, на якѣй такій системъ будоватися мусить.

Безперечно, яко засаду при укладанью сборника потреба приняти гадку, що пѣсни, — то матеріалъ до этнографіи народа. А що єсть задачею этнографіи? Представленье житья народа съ всеми его особенностями, отвѣтными различнымъ мѣстцєвостямъ, положенью географичному, климату, окруженью и т. д. До такихъ особенностей належитъ предовсемъ языкъ або его отмѣна, идиомъ. Въ сборнику повинєнь прото якъ найстараниѣйше захованый быти идиомъ мѣстности, въ которой пѣсня записана. По друга, — предметомъ этнографіи єсть и само житѣє - бытѣє народа. Безчисленныи отношенія човѣка, становлячии содержанье его житья, дадутъ подѣлитися на 1) отношенія до вышихъ существъ с. е. религийныи и митическіи. 2) отношенія къ минувшости с. е. историческіи. 3) отношенія къ державѣ и державному устройству с. е. политическіи и гражданскіи. 4) отношенія къ обществу и его розвою с. е. общественныи и культурныи, 5) отношенія къ различнымъ сословиямъ с. е. сословныи. 6) отношенія къ жизни семейной с. е. семейныи и родичныи. 7) отношенія къ власному внутрениѣму свѣту, власнымъ чувствамъ, поглядамъ, вѣку и личнымъ пригодамъ, с. е. личныи и случайныи.

И ось маємъ системъ могучій служити за пѣдставу при укладанью сборника. Каждому изъ выше наведеныхъ отдѣловъ отповѣдати буде отдѣлъ пѣсень, — протое цѣлковитый сборникъ мѣстити буде въ собѣ: 1) пѣсни религийныи и митическіи. 2) историческіи. 3) политическіи и гражданскіи. 4) общественныи и культурныи. 5) сословныи. 6) семейныи и 7) личныи и случайныи. То єсть тѣлько головный подѣлъ; кождый изъ выше наведеныхъ роздѣловъ розпадеся на бѣльше частей относительно до содержанья

пѣсень. Въ подѣлѣ г. Лопачевского есть порядокъ отдѣловъ иный. Кромѣ того и самъ его подѣлъ различается отъ того, который мы зрели. Отдѣловъ у него VI, а найговѣннѣйшій различія межи ними слѣдующіи: Отдѣлъ: „Пѣсни политическіи“ у г. Л. содержитъ въ собѣ заразомъ пѣсни историческіи и политическіи. Того не можемъ взяти за блудъ г. Л. особливо тому, що историческихъ пѣсень досить мало въ сборнику, г. К. а и ти не дотыкають знаныхъ историчныхъ личностей, якъ козацкіи думы, — тѣлько на основѣ набѣговъ татарскихъ оповѣдають менше знаніи эпизоды. Одно тѣлько удивляе, що г. Л. думаетъ надписуючи одинъ (IV) отдѣлъ своихъ пѣсень „Пѣсни экономическіи и сословныя? пѣсни сословныя, — то розумно. (Зновъ дивно, — чому авторъ въ томъ отдѣлѣ помѣстивъ лишь 4 пѣсни? Сподѣватися прецьвѣ, що подобно, якъ у насъ, такъ и на Буковинѣ, сословныхъ пѣсень дуже багато!) Но що значать пѣсни экономическіи? Межи замѣщеними чтырма пѣсеньками не видко ани слѣду экономіи, якъ въ загалѣ она мало замѣтна у насъ Русинѣвъ. То хіба, — бо авторъ сойшовъ ту зо стезки натуральной системы. Последній (VI) отдѣлъ: „Сатира и шутка,“ якъ заявляє издатель, скороченый и неполный. Но думаемъ, що непотреба было на пѣсни сатиричныи и шуточныи робити ажъ особный отдѣлъ. Сатира и шутка можуть быти або чисто субъективными и относиться до сегого отдѣла (пѣсла выше зробленого подѣла), можуть дотыкати отношеній жизни семейной (шестый отдѣлъ), або вкѣнци устройства общественнаго (четвертый отдѣлъ) и политическаго (третій отдѣлъ).

Все сказане однакожь не має на цѣли заперичити принадлежной стѣйности сборнику г. Купчанка. Каждый отдѣлъ розпадаеся на кілька меншихъ розрядѣвъ соотвѣтно до содержания замѣщенихъ пѣсень. Въ такой способъ розложеный матеріалъ есть въ состоянію представити намъ живый образъ внутреннего життя Буковинскаго народа. Въ той хвилѣ приходитъ намъ на думку хороша, патріотична бесѣда, которую говорилъ г. Купчанко на собранію общества М. Качковского въ Галичи, и въ которой твердилъ, що Буковинскіи Русины, то доразу той самъ народъ, що галицкіи, — що Буковина не есть край чужій для насъ, за якіи многіи его держали. Дѣйстно, — авторъ не мѣгъ дати лѣшого доказа на свою бесѣду, — якъ ось тую книжку!

Въ кѣнци слѣдуе ту вѣпомянути, що наша галицка устна народна словесность чекае на подобне опрацеванье. Жерело тысячей коломѣкъ, думокъ, шумокъ, колядъ, ладканокъ, пѣсень опрыскихъ и мѣстныхъ, — жерело безчисленнаго множества казокъ и повѣстей, полныхъ неразъ будьто высокои поэзіи, будьто незрѣваннаго, щиро русскаго гумору, — жерело масы приповѣдокъ, повѣрій, поговорокъ, а особливо безчисленныхъ питомыхъ выраженій, слѣвъ и формъ языковыхъ, — колижь знайде наша галицка Русь такихъ працевникѣвъ, якъ г. Купчанко?

— **Сповѣданье про жатые св. мученикѣвъ Бориса и Гѣлба.** Авторъ сей книжочки, що недавно появилась въ печатаніи им. Шевченка, Др. о. Ом Огоновскій, доказавъ сею своею прастваточне число любителей и працевникѣвъ, котыри бы были въ состоянію собрати бодай большую часть тыхъ скарбѣвъ? цю, що въ приступной, популярной формѣ можъ народу подавати и науку такъ поважну, якъ критичную исторію. Дуже трапно оны выбралъ до того форму Платона, — діалогъ, — бо той истинно наибольше годится до того, чтобы разбудити въ народѣ мысленье, — чтобы заставити его, самостоятно и здорово судити о предметахъ. Книжочка Др. О. може що до своей стѣйности стати поручъ съ наилучшими, до сей поры у насъ выданными популярными сочиненіями.

— **Нове житье, новый ладъ. Памятка изъ Мисси.** Подъ такою надписью появилась съ початкомъ сего года брошюрка выдана накладомъ письменныхъ людей громады Лабшина близъ Бережанъ. Закинь скажемъ гдѣшо о самой книжочкѣ мусимъ насампередъ съ радостію поднести усилія Лабшинской громады и ея пароха о. Л. Джулинскаго. Дѣйстно, Лабшинъ выпередилъ всѣ галицкіи громады и може стати имъ примѣромъ. Не тѣлько, що заложена тамъ гарна читальня и братство тверезости, — но громада выдала уже другу книжочку своимъ накладомъ. Що касаеся самой книжочки, — то годъ о ней широко розписоватися. Мораль ажъ верхомъ лееся, — та Богъ знае, чи она кому що поможе! А що за философія въ „Новѣмъ житью!“ Все на свѣтѣ то допустъ Божій. Га, — то и пѣяство, и всякіи „горѣдчанні збытки“ такожь допустъ Божій! Оставможъ пѣяство, — не побораймо зопеутья. — бо се божій допустъ, — а противъ божои волі намъ годъ стояти! Оставмо то! Состояніе народа представляеся въ той книжочкѣ правдиво середновѣчными яркими красками, коли всяке, хотьбы и найменше зло представлялося, яко истне пекло, — а все що носило бодай маску добра, яко рай. Не знаемъ, чи дуже благотворно и спасительно може, хотьбы и на простого, но здорово мыслящего чоловіка подѣйствовати така бесѣда, якои примѣръ маемъ въ Новѣмъ житью! Мы думаемъ, що лѣпше былобы, еслибы замѣсть говорити и друковати такіи рѣчи для народа, подавано ему щось занимательнѣйшого и разомъ корыстнѣйшого.

Новинки.

Баль, устроеный нашимъ Обществомъ минувшого вторника (8. с. м.) удался прехорошо такъ що до самой забавы, якъ и що до грошевого результата; смѣло можемъ сказати, що превзойшовъ наши балі минувшихъ лѣтъ, помимо того, що, судачи пѣсла сегорѣчного неурожаа польного и краху торгового можна было противнаго послѣдствія сподѣватися. Предовсемъ поднести належитъ то обстоятельство, що численнѣйше, якъ минувшихъ лѣтъ, собралисъ гости зъ провинціи, доставляючи значне число нашихъ русскихъ, гарныхъ красавичокъ. Такъ прѣвхали съ родиною изъ дальнихъ сторонъ о. Б. Лопатынскій зъ Роздола, о Винницкій зъ Поддѣстрианъ, о. Рошкевичъ зъ Лодина, о. Грабинскій зъ Кутнора, о. Хоминскій зъ Демній и др. Кромѣ того собралисъ численно и Львовяне, такъ що забава охочо, мирно и весело при гучной и превосходной музыцѣ полка Гондрекуръ продолжалася майже до 6. ч. рано. Чинъ господынь справовали г-жа Полянска и г-жа Лопатынска, господаря же г. Дрѣ Шараневичъ. „Царицѣ бала“ не было по той простой причинѣ, що нашлось больше такихъ первостепенныхъ красавицъ, котырымъ бы слѣдовало быти царицами, а коло которыхъ зарѣвно тиснулася охоча наша молодежь. Що до грошевого результата, то чистый приходъ выноситъ 117 зр. ав.

— На загалне желаніе тутешныхъ Рускиѣвъ рѣшилось наше Общество дати еще одну забаву съ танцами и то въ четвертъ.

Мы сподѣваемся, що забава та удался еще лучше, якъ баль, а то по той причинѣ, що буде то уже послѣдня русска забава сегорѣчныхъ мясницъ и що взагалъ издержки менши а строя побгалевы, дешевши, вѣдѣствие чого больше кто рѣшится взяти участь. Если кого изъ нашей интеллигенціи, по причинѣ короткости часу, не дойде запрошенье чи то на провинціи чи во Львовѣ, просимъ мимо то прѣвздити а мы радушно го привитаемъ и пріймемъ хотъ и безъ карты запрашаючей. Билетъ семейный (на 4 лицъ) стоитъ 2 зр. ав., билетъ поединчій для мужинъ 1 зр.

Властитель и издатель „Академическій Кружокъ.“ За редакцію отвѣчае Алексей О. Заіѣвскій.

Изъ типографіи Института Ставропигійскаго во Львовѣ 1876.